

Сказки братьев Гримм. Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка

Жила на свете женщина, у которой были три дочери. Старшая из них называлась Одноглазка, потому что у ней был всего один глаз на середине лба. Средняя называлась Двуглазка, потому что у ней, как у всех людей, было два глаза. А младшая называлась Трехглазка, потому что у ней сверх двух глаз во лбу был третий.

Двуглазку за то, что она походила на всех людей, ее сестры и мать ненавидели.

Они говорили ей с презрением: «Ты со своими двумя глазами нимало не отличаешься от всех остальных людей, ты нам не пара».

Они толкали ее то туда, то сюда, давали ей носить только самые дурные платья, кормили ее только своими объедками и причиняли ей всякое горе, какое могли.

Случилось однажды, что Двуглазке приходилось идти в поле козу пасти, а она была очень голодна, потому что сестры очень мало дали ей поесть.

И вот села она в поле на полосу и стала плакать, да так плакать, что из глаз ее ручьями слезы бежали. И когда она в

таком горе своем глянула вверх, то увидела: стоит около нее какая-то женщина и спрашивает: «Чего ты, Двуглазка, плачешь?» Отвечала ей бедняжка: «Как мне не плакать? Из-за того, что у меня два глаза, как у других людей, мать и сестры меня ненавидят, толкают меня из угла в угол, дают носить только старое, а есть – одни объедки! Сегодня же так мало дали мне поесть, что я совсем голодна».

Вот и сказала ей ведунья: «Двуглазочка, утри слезы! Скажу я тебе такое, что ты больше голодать не станешь. Стоит тебе только крикнуть своей козочке: Козочка, давай Столик накрывай! и явится перед тобою опрятно накрытый столик, и на нем всякое хорошее кушанье, какого ты пожелаешь, и вволю! А как насытишься и столик тебе не будет более нужен, ты только скажи:

Козочка, давай
Столик убирай!

– и он тотчас исчезнет».

И с этим ведунья скрылась. Двуглазка же подумала: «Я тотчас же должна испробовать, правду ли она мне говорила, потому что уж очень я проголодалась».

И она тотчас проговорила:

Козочка, давай
Столик накрывай!

И чуть только проговорила она эти слова, как явился перед ней столик с белой скатертью, а на нем тарелочка с ножом, вилкой и серебряной ложкой; а кругом стояли на столе лучшие кушанья, и пар от них шел, словно бы они тотчас из кухни на стол попали.

Двуглазка наскоро прочла молитву перед обедом, под села к столу – и давай уплетать! И когда насытилась, то сказала, как учила ее ведунья:

Козочка, давай
Столик убирай!

И тотчас столик и все, что на нем было, исчезло бесследно.

«Вот это настоящее дело!» – подумала Двуглазка и была очень весела и довольна.

Вечерком, придя домой с козой, она нашла на столе глиняное блюдо с объедками, которые ей сестры оставили, и, конечно, не прикоснулась к этой еде.

И на другое утро, уходя с козой в поле, она оставила нетронутыми те куски, которые были ей поданы.

В первое время сестры не обратили на это внимания; но затем заметили это и стали говорить: «С Двуглазкой что-то не ладно! Она каждый раз оставляет еду нетронутой, а прежде, бывало, все приберет, что ни поставь ей! Видно, она нашла себе возможность откуда-нибудь пищу получать».

И вот, чтобы дознаться правды. Одноглазка решилась с нею идти в поле за козой и наблюдать, что у ней там творится и не носит ли ей кто-нибудь в поле еду и питье.

Когда Двуглазка опять собралась в поле. Одноглазка подошла к ней и сказала: «Я хочу с тобою идти в поле и тоже присмотреть, чтобы коза хорошо паслась и отъедалась».

Но Двуглазка заметила, что у ее сестры на уме, и вогнала козу в высокую траву, а сама и говорит Одноглазке: «Пойдем, сестрица, сядем рядком, я тебе кое-что пропою».

Одноглазка уселась, утомленная непривычной ходьбой и солнечным жаром, а Двуглазка и стала ей напевать все одно и то же:

Одноглазочка, вздремни!

Одноглазочка, усни!

Тогда Одноглазка закрыла свой глаз и уснула; увидев это. Двуглазка сказала:

Козочка, давай

Столик накрывай!

– и уселась за свой столик, и наелась, и напилась досыта, а затем опять сказала:

Козочка, давай

Столик убирай! – и все мигом исчезло.

Тут Двухлазка разбудила сестру и говорит ей: «Одноглазочка, ты хочешь пасти, а сама и заснула; тем временем коза Бог весть куда могла уйти; пойдём-ка домой».

Пошли они домой, а Двуглазка опять-таки своего блюда не тронула.

Одноглазка же не могла объяснить матери, почему та есть не хочет, и в извинение себе сказала: «Я там в поле приуснула».

На другой день мать сказала Трехглазке: «На этот раз ты ступай и хорошенько высмотри, ест ли Двуглазка в поле и не носит ли ей кто-нибудь со стороны еду и питье. Надо думать, что ест она потихоньку».

Вот Трехглазка и примазалась к Двуглазке, и говорит: «Хочу я с тобою пойти да посмотреть, хорошо ли ты козу пасешь, да даешь ли ты ей отъедаться».

Но та заметила, что у сестры на уме, загнала козу в высокую траву, а ей и говорит: «Мы с тобою там усядемся, и я тебе кое-что пропою». Трехглазка уселась, порядком поуставши от ходьбы и солнечного жара. А Двуглазка опять затянула ту же песню:

Трехглазочка, вздремни!

Да вместо того, чтобы спеть:

Трехглазочка, усни! – она по рассеянности спела:

Двуглазочка, усни!

Да все так и пела:

Трехглазочка, вздремни!

Двуглазочка, усни.

И точно, от этой песни у Трехглазки два глаза уснули, а третий не уснул.

Хотя она его тоже закрыла, но только из лукавства, прикидываясь спящей; однако же все-таки могла видеть.

А когда Двуглазке показалось, что сестра ее спит, она, как всегда, сказала:

Козочка, давай

Столик накрывай!

Попила и поела она вволю, а затем сказала:

Козочка, давай

Столик убирай!

И Трехглазка все это видела.

Потом пришла к ней Двуглазка и говорит: «Ну, сестрица, выпалась ли? Хорошо же ты коз пасешь! Пойдем-ка домой».

И когда они домой вернулись. Двуглазка опять не ела, а Трехглазка сказала матери: «Знаю я теперь, почему эта гордая девчонка не ест!» – и рассказала матери все, что видела.

Тогда это в матери возбудило зависть и досаду. «Так ты лучше нас есть хочешь! – подумала злая баба. – Пстой же, я у тебя отобью охоту!»

Схватила она нож и ткнула им козе в сердце, так что та разом пала мертвая.

Как увидела это Двуглазка, так и залилась слезами; пошла в поле, села на полосу, сидит да плачет.

Вот и явилась опять около нее вещая дева, и спрашивает: «Двуглазка, о чем ты плачешь?» – «Как мне не плакать? Матушка ту козочку убила, что меня так хорошо по вашему сказу кормила; теперь опять придется мне голодать да горевать».

Сказала ей вещая дева: «Я тебе добрый совет дам: выпроси у сестер кишки от убитой козы и закопай их перед входной дверью в землю, это тебе на счастье будет».

И скрылась.

А Двуглазка пошла домой и сказала сестрам: «Дайте мне от моей козочки чего вам не жаль, дайте мне только ее кишочки». Сестры ее засмеялись и сказали: «Коли ничего другого не просишь, так на, возьми их».

И взяла Двуглазка кишочки и вечером втихомолочку зарыла их по совету вещей девы перед входной дверью.

На другое утро, когда все в доме встали и подошли к двери, то увидели, что выросло там чудное дерево с серебряными листьями и с золотыми плодами, такое-то чудное, что ничего лучше и дороже того дерева и на свете не бывало.

И никто, кроме Двуглазки, не знал, откуда это дерево взялось: только она заметила, что оно выросло из того самого места, где она кишки закопала.

Вот и сказала мать Одноглазке: «Полезай на дерево, дитяtko, да нарви нам с него плодов».

Одноглазка полезла на дерево, но чуть только хотела сорвать одно из золотых яблочек, как ветки выскользнули у ней из рук: и это случалось каждый раз, когда она протягивала к яблокам руку, так что как она ни старалась, не могла сорвать ни одного яблочка...

Тогда мать сказала: «Трехглазка, теперь ты полезай! Ты тремя-то глазами можешь лучше кругом оглядеться, чем Одноглазка».

Одна сестра слезла, другая полезла на дерево. Но и у этой было не больше удачи.

Наконец, сама мать полезла вместо дочерей и тоже ничего с дерева добыть не могла.

А Двуглазка сказала ей: «Вот я полезу, может быть, мне лучше удастся, чем вам».

Сестры закричали: «Где уж тебе. Двуглазка!» Однако же Двуглазка все же влезла на дерево, и золотые яблоки сами ей в руки лезли, так что она их полон фартук нарвала.

Мать взяла у ней эти яблоки, но вместо того, чтобы лучше с нею обходиться, стали ей завидовать, что она одна может срывать яблоки с дерева, и стали еще больше ей досаждать.

Случилось, что однажды они все вместе стояли у дерева, а мимо проезжал молодой рыцарь. «Эй, Двуглазка, – крикнули обе сестры, – полезай, полезай под дерево, чтобы нам за тебя не стыдиться!»

И как можно скорее накрыли они ее пустой бочкой, которая стояла около дерева, да и золотые яблоки, сорванные с дерева, туда же попрятали.

Когда рыцарь поближе подъехал, он оказался красавцем; приостановил коня, полюбовался прекрасным деревом и сказал обеим сестрам: «Кому принадлежит это прекрасное дерево? Тот, кто мне дал бы с него веточку, мог бы от меня потребовать, что его душе угодно».

Одноглазка и Трехглазка отвечали ему, что дерево им

принадлежит и что они охотно сломят ему с дерева ветку. Но как ни трудились – и та и другая – ни ветви, ни яблоки не давались им в руки. «Странно! – сказал рыцарь. – Дерево вам принадлежит, а вы все же с него ни яблока, ни ветви сорвать не можете». Но обе сестры настаивали, что дерево принадлежит им. Тем временем Двуглазка, разгневанная тем, что сестры ее так лгали, выкатила из-под бочки парочку золотых яблок прямо к ногам рыцаря.

Увидев яблоки, рыцарь удивился и спросил, откуда они взялись. Тогда злые сестры отвечали ему, что есть у них и еще одна сестренка, да та ему и показаться не смеет, потому у нее такие же два глаза, как и у всех других обыкновенных людей.

Однако же рыцарь захотел ее увидеть и крикнул: «Двуглазка, выходи сюда!»

Тогда Двуглазка преспокойно выглянула из-под бочки; рыцарь был поражен ее дивной красотой и сказал: «Ты, Двуглазка, уж, конечно, можешь мне сорвать ветку с этого дерева?» – «Да, – отвечала Двуглазка, – я это, конечно, могу, потому что дерево мне принадлежит».

И влезла на дерево, и легко сорвала с него ветку с чудесными серебряными листьями и золотыми плодами, да и подала ее рыцарю.

Тут рыцарь спросил у нее: «Двуглазка, что ж я тебе должен за эту ветку дать?» – «Ах, – отвечала бедняжка, – я терплю голод и жажду, печаль и невзгоду с раннего утра до позднего вечера: если бы вы могли меня взять с собою и избавить навсегда от этих всех бед, то я была бы очень счастлива».

Тогда рыцарь посадил Двуглазку на своего коня и привез ее домой в свой отческий замок: там он дал ей хорошее платье и еды, и питья вволю, и так как она ему полюбилась, то он с ней обвенчался и свадьбу отпраздновал превеселую.

Когда красавец-рыцарь увез с собою Двуглазку, стали сестры завидовать ее счастью.

«Ну, зато остается у нас дивное дерево, – подумали они, – хоть мы с него плодов снимать и не можем, а все же каждый, кто мимо поедет, перед ним остановится, зайдет к нам и его похвалит; может быть, еще и на нашей улице праздник будет?»

Но на другое же утро дерево исчезло, а с ним вместе и их надежды рассеялись прахом.

А Двуглазочка, как глянула из своей комнаты в окошечко, так и увидела, что дерево стоит перед ее окном, потому что оно за ней следом перешло.

Долгие годы жила Двуглазка в довольстве.

Однажды пришли к ней две нищенки. Заглянула она им в лицо и узнала сестер своих: Одноглазку и Трехглазку, которые впали в такую бедность, что должны были бродить по миру и выпрашивать себе кусок хлеба.

А Двуглазка их обласкала и сделала им много всякого добра, и ухаживала за ними так, что те обе от всего сердца пожалели о зле, которого они так много причинили сестре своей в молодости.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Четверо искусных братьев

Жил-был на свете бедняк, и были у него четверо сыновей. Когда они подросли, он и сказал им: «Детки мои, вам пора идти повидать света белого; у меня нет ничего, что бы я мог вам дать; собирайтесь в путь, ступайте на

чужбину, выучитесь ремеслу и сами себе пробивайте дорогу».

Тогда собрались дети в путь, простились с отцом и все вместе вышли из ворот.

Пространствовав некоторое время, пришли они к перекрестку, от которого путь лежал в четыре разные стороны.

Тут старший сказал: «Здесь мы должны расстаться; но в этот же день через четыре года мы должны сойтись на этом самом месте и тогда попытаем своего счастья».

Вот и пошел каждый своей дорогой.

Старшему из братьев встретился человек, который спросил его, куда он идет и что намерен в жизни делать. «Хочу ремеслу учиться», – отвечал юноша.

Тогда встречный человек сказал ему: «Ступай со мною и будь вором». – «Нет, – отвечал юноша, – это ремесло не честное, и часто за него приходится расплачиваться двумя столбами с перекладиною». – «0! – сказал незнакомец. – Виселицы тебе нечего бояться: я хочу только научить тебя искусству доставать то, чего никто другой не достанет, да еще уменью свой след хоронить».

Тогда юноша дал себя уговорить, стал у этого учителя ученым вором, да таким искусным, что чуть только он чего-нибудь захочет, то уж никак от него не ухоронишь.

Второй брат тоже повстречал человека, который спросил его: «Чему ты хочешь научиться?»

Тот отвечал: «А и сам не знаю». – «Ну, так пойдем со мною и будь астрономом; лучше этой науки ничего на свете нет, потому что для тебя ничто не остается скрытым».

Юноше это пришлось по нутру; он вскоре стал таким искусным астрономом, что его учитель по окончании учения подарил ему в награду подзорную трубу и сказал: «В эту трубу ты можешь видеть все, что на небе и на земле творится, и ничто не может укрыться от твоего взгляда».

Третьего брата взял к себе в ученье егерь и научил его всему егерскому делу настолько, что он стал отличным егерем.

При расставанье егерь-учитель подарил своему ученику ружье и сказал: «0но никогда не дает промаха; во что нацелишься, в то

и попадешь наверняка».

Меньшой брат тоже повстречал человека, который с ним заговорил и спросил о его намеренье. «Не хочешь ли быть портным?» – спросил он у юноши.

«Не дай Бог! – отвечал тот. – Корпеть целый день над шитьем да над утюгом! Это мне и в голову не приходит». – «Э-э! – сказал юноше незнакомец. – Ты говоришь о том, чего и сам не знаешь: у меня ты научишься совсем иному портняжеству – это и приличное, и даже очень почетное ремесло».

Юноша дал себя уговорить, пошел за этим незнакомцем и основательно изучил его искусство.

При прощанье по окончании учения портной дал ему иглу и сказал: «Этой иглой ты все можешь сшить, будь оно мягко, как, яйцо, или твердо, как сталь; и как сошьешь, так словно сольешь, даже и шва не сыскать будет».

По прошествии условленных четырех лет сошлись братья на перекрестке, целовались и миловались и затем вернулись к отцу в дом. «Ну, – сказал отец, очень обрадованный их возвращением, – вот и опять занесли вас ко мне буйные ветры».

Тут они и рассказали ему, как им жилось на чужбине и что каждый из них своему ремеслу обучен.

Сели они пред домом отца под большое дерево, и отец сказал им: «Я вас теперь испытаю и посмотрю, что каждый из вас может сделать». Затем глянул наверх, да и говорит второму сыну: «Вон на вершине дерева между двух веток гнездо зяблика – скажи-ка, сколько в нем положено яиц?»

Астроном взял свою подзорную трубу, посмотрел наверх и отвечал тотчас: «Пять яиц».

Тогда отец обратился к старшему: «Снеси-ка мне сюда эти яйца, не потревожив птицы, которая на них сидит».

Искусный вор быстро залез на вершину дерева, вынул из-под птицы в гнезде все пять яиц, да так ловко, что она этого и не заметила, и принес их отцу.

Отец взял яйца в руки, положил по яйцу на каждый угол стола, а одно посередине и сказал третьему сыну: «Ты должен одним выстрелом разбить все эти яйца пополам».

Егерь прицелился из подаренного учителем ружья и исполнил то,

что ему отец приказывал.

«Ну, теперь за тобою очередь, – сказал отец, обращаясь к четвертому сыну, – шей мне все эти яйца, половинку с половинкой, да и всех птенцов так же, чтобы им от выстрела никакого вреда не приключилось».

Портной вынул свою иглу, которую подарил ему его учитель, и исполнил желание отца.

Когда это было сделано, вору пришлось опять взять яйца на вершину дерева и подложить их в гнездо под птицу так, чтобы она этого не заметила.

Птичка те яйца высидела, и дня через два из яичек вылупились птенчики.

И только на том месте, где портной их сшил, у них на шее оказалась красная полоска.

«Да! – сказал отец сыновьям. – Не могу не похвалить вас! Вижу, что вы времени не теряли и многому хорошему научились: не могу даже и сказать, кому из вас следует отдать предпочтение. Вот, может быть, скоро представится вам случай выказать свое искусство – тогда дело само собою выяснится».

И действительно, вскоре после того прошел по всей стране слух, что королева унесена драконом.

Король день и ночь был в тревоге о дочери и приказал объявить, что тот, кто вернет дочь отцу, получит ее руку.

Четверо братьев и стали говорить между собою: «Вот удобный случай для нас показать себя», – и собрались идти все вместе освобождать королеву.

«Я сейчас узнаю, где она находится, – сказал астроном, посмотрел в свою трубу и сказал: – Вон, вижу ее – там, далеко, сидит в море на скале, и дракон стережет ее».

Вот и пошел он к королю, выпросил у него корабль для себя и для братьев и поехал с ними за море к той самой скале, которую увидел в подзорную трубу.

Королева действительно сидела на скале, а дракон спал, положив ей голову на колени. Егерь сказал: «Не смею стрелять из опасения застрелить и королеву вместе с драконом». – «Ну, видно, мне попытаться надо», – сказал вор, взобрался на скалу и украл королеву из-под дракона, да так ловко и тихо, что

чудовище ничего и не заметило, и продолжало храпеть.

Обрадованные своей удачей, братья поспешили с королевной на корабль и вышли в открытое море; но дракон, не найдя около себя королевны при пробуждении, в ярости взвился вверх и помчался вслед за кораблем.

Когда уж он подлетел к кораблю и хотел на него опуститься, егеря прицелился в него и прострелил ему сердце. Чудовище рухнуло сверху, но было так огромно и тяжело, что при падении разбило корабль вдребезги.

Кое-как успели они поймать две доски и поплыли на них по морскому простору. Опять угрожала им большая опасность. Но портной – малый не промах! Вынул он свою диковинную иглу, двумя большими стежками скрепил доски, сел на них, а затем, собрав все обломки корабля, сшил и те тоже, и они благополучно могли на том корабле прибыть домой.

Когда король вновь увидел свою дочь, он очень обрадовался и сказал четверым братьям: «Один из вас должен получить дочь мою в супруги, но который – это уж сами решайте».

Вот и затеялся между ними большой спор, потому что каждый высказывал свои притязания.

Астроном говорил: «Кабы я не увидел, где королевна находится, так и все ваше умение ни к чему бы не привело: значит, мне следует получить ее руку!»

Вор возражал: «И твое умение ни к чему бы не привело, если бы я не выкрал ее из-под дракона: значит, она моя!»

Егеря заметил: «Всех-то вас вместе с королевной дракон сожрал бы, не будь моей пули: потому королевну следует считать моею».

А портной сказал: «Ну, а если бы я не сшил вашего корабля, так все вы, конечно, потонули бы! Значит, королевна – моя».

Тогда король сказал свое слово: «Вижу, что каждый из вас имеет одинаковые права на руку моей дочери; но так как вы все ее получить не можете, то не получит ее ни один из вас; но зато каждому из вас я дам в награду по части королевства». Это решение короля очень понравилось братьям, и они сказали: «Лучше уж так решить дело, чем нам ссориться».

И вот каждый получил по части королевства и зажили они с отцом счастливо, и жили, пока Бог не послал по их душу.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

✖ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Ленивая пряжа

Много лет назад в одной деревне жили да были муж с женой, и жена была так ленива, что ничего работать не хотела; что муж давал ей прясть, того она, бывало, никогда не выпрядет, а что и выпрядет, то не смотает, а так на гребне и оставит.

Если, бывало, начнет ее муж бранить, она в карман за словом не полезет, а тоже кричит на него: «Да как я тебе пряжу смотаю, когда у меня и мотовила-то нет! Прежде в лес сходи да мотовило мне выруби». – «Коли на то пошло, так я же съезжу в лес и дерево на мотовило тебе из лесу вывезу».

Вот жена-то и перепугалась: как вывезет муж из леса дерево на мотовило да мотовило из него сделает, так придется ей всю пряжу смотать и опять прясть начать. Подумала она, подумала, и пришла ей в голову хорошая мысль. Она потихоньку побежала в лес за мужем, и когда он влез на дерево, чтобы выбрать себе сук попригоднее, жена пробралась под то дерево, засела в кустах, так что он ее видеть не мог, и крикнула мужу:

Мотовило вырубишь – умрешь,

А мотать им станешь – пропадешь.

Муж прислушался, отложил топор в сторону и стал обдумывать, что бы это могло значить. «Ну, что за вздор? – проговорил он наконец. – Что там такое? Просто что-то послышалось, чего еще тут пугаться!»

Схватил топор снова и собирался рубить, и опять то же раздалось под деревом:

Мотовило вырубишь – умрешь,

А мотать им станешь – пропадешь.

Он опять приостановился; стал его страх пробирать, и стал он опять об этом странном случае думать.

Однако оправился, в третий раз схватился за топор и снова собирался рубить.

Но и в третий раз слышался тот же голос и громко крикнул:

Мотовило вырубись – умрешь,

А мотать им станешь – пропадешь.

Тут уж он не вытерпел: прошла у него охота вырубать мотовило; он поспешно слез с дерева и пустился в обратный путь домой.

Жена окольными путями тоже проворно домой бежала, чтобы поспеть раньше мужа.

Когда он вошел в комнату, она прикинулась такой тихоней, словно бы ничего не случилось, и сказала: «Ну, что же, принес ты мне хорошее мотовило?» – «Нет, – сказал он, – вижу, что с метаньем не ладится дело», – и рассказал ей, что с ним в лесу случилось; да с тех пор и оставил ее в покое.

Вскоре после того муж стал опять выражать недовольство из-за беспорядка в деле. «Жена! Да ведь это просто срам: нарядена шерсть и не смотана, и лежит кучей!» – «Знаешь ли что? – сказала она ему. – Так как мы не добрались до мотовила, так ты ступай на чердак, а я останусь внизу, стану тебе шерсть бросать, а ты мне; вот и разматываем ее». – «Ну что ж, пожалуй», – сказал муж.

Размотав шерсть, муж сказал жене: «Теперь надо шерсть выкипятить». Жена опять испугалась, что ей много работы будет, и хоть сказала мужу: «Завтра ранешенько выкипячу», – а у самой на уме другое было.

Рано утром вставши, она развела огонь и поставила рядом котел, но только вместо шерсти положила в котел паклю и стала ее вываривать.

Затем пошла к мужу, который все еще лежал в постели, и сказала: «Мне надо отлучиться, а ты встань да присмотри за шерстью, я ее в котле на огонь поставила. Только смотри, не прозевай: как пропоет петух, а ты не досмотришь, вся шерсть у тебя в паклю превратится».

Муж сейчас поднялся, не мешкая, сошел в кухню и чуть только

подошел к котлу, то с ужасом увидел в нем комок пакли. Тут уж он прикусил язычок, подумал, что тут по его вине дело испорчено, и уж потом ни о шерсти, ни о пряже – ни гу-гу! А ведь плутовата была эта баба, надо правду сказать!

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Железная печь

Давным-давно, когда еще колдовство удавалось, один королевич был заколдован ведьмой и засажен ею среди леса в большую железную печь. Много лет сряду провел он там, и никто не мог его избавить.

Однажды зашла в лес королева: она заблудилась в лесу и никак не могла выйти на дорогу, которая вела в королевство ее отца... Девять дней бродила она по лесу и, наконец, опустилась перед железной печкой. Тогда раздался голос из печки: «Откуда ты пришла и куда идешь?» – «Я потеряла дорогу в королевство моего отца и не могу домой попасть».

Тогда опять раздался голос из печки: «Я твоему горю помогу немедленно, если ты дашь мне расписку, что исполнишь мое желание. Я королевич, постарше тебя, королевы, и хочу на тебе жениться».

Королева испугалась и подумала: «Боже ты мой, да что же я с железной печкой делать стану?» Однако ж так как ей очень хотелось вернуться к отцу, она подписала, что исполнит его желание. А он сказал ей: «Ты должна вернуться, принести с собою ножик и проскоблить дыру в железе».

Затем он дал ей провожатого, который шел с нею рядом и ничего не говорил, однако же в два часа доставил ее домой.

Все в замке обрадовались ее возвращению, а старый король бросился к дочери на шею и расцеловал ее. Но она была очень опечалена и сказала: «Милый батюшка! Кабы ты знал, что со мною случилось! Не бывать бы мне дом, не выйти бы мне из дремучего леса, кабы не пришла я в лесу к железной печи; той и должна я была выдать расписку, что вернусь к ней, ее от чего-то избавлю и за нее же замуж выйду».

Тут старый король так перепугался, что чуть в обморок не упал: дочь-то у него была единственная!

Вот и сговорились отец с дочерью, что вместо королевны следует пойти мельниковой дочке, красавице; вывели ее в лес, дали ей ножик в руки и велели скоблить железную печь.

Вот и скоблила она двадцать четыре часа подряд и ничего проскоблить не могла. Когда стало рассветать, из печки раздался голос: «Мне сдается, что на дворе светает». А красавица отвечала: «И мне тоже кажется, что я слышу, как работает батюшкина мельница». – «А! Так ты Мельникова дочь? Ступай же сейчас обратно и прикажи, чтобы королевна сюда пришла».

Пошла красавица к королю и сказала, что тот, кто в печке сидит, не хочет, чтобы она скребла печку, и требует к себе королевну. Король опять перепугался, а дочь его стала плакать. Была у них еще на примете дочка свинопаса, еще красивее мельниковой дочки; они той пообещали денег, лишь бы она пошла к железной печке вместо королевны.

Пошла она туда и еще там двадцать четыре часа печь скоблила; однако же ничего поделывать не могла.

Как стало рассветать, из печки опять раздалось: «Мне сдается, что на дворе светает». Красавица отвечала: «И мне тоже кажется, потому что мне послышалось, как батюшка на рожке играет». – «Так значит, ты Пастухова дочка? Сейчас убирайся и прикажи сюда прийти королевне, и скажи ей, что я исполню обещанье, а если она не придет, все в ее королевстве распадется и разрушится, и камня на камне в нем не останется». Услышав это, королевна стала плакать, видит, что приходится ей сдержать свое обещание. Простилась она со своим отцом, захватила с собою ножик и вышла в лес к железной печке.

Придя туда, она начала скоблить железо, и железо поддавалось. И двух часов не прошло, как уже королевне удалось проскоблить маленькую дырочку. Взглянула она через нее внутрь печи и увидела там красавца-юношу, который блистал золотом и драгоценными камнями и который понравился ей чрезвычайно.

И вот она продолжала скоблить железо и выскоблила наконец такое отверстие, из которого он мог вылезти. Тогда и сказал он: «Ты моя, а я твой; ты моя невеста и избавительница».

Он при этом хотел ее тотчас взять с собою в свое королевство, но она выпросилась у него с отцом повидаться, и королевич ей это позволил – с тем, чтобы она с отцом своим сказала не больше трех слов, а потом опять вернулась бы.

Пошла она домой, но сказала более трех слов, и железная печь вдруг исчезла и унеслась далеко-далеко – за стеклянные горы, за острые мечи; однако же королевич-то был свободен и не был уже заключен внутри ее.

Затем королевна простилась с отцом своим, взяла у него денег на дорогу, но немного, опять пошла в большой лес и стала искать железную печь, но сыскать ее не могла. Искала она ее девять дней сряду и так, наконец, проголодалась, что не знала, что ей делать, потому что у ней ничего с собою не было.

Когда за вечерело, она взобралась на небольшое дерево и думала там провести ночь, чтобы укрыться от диких зверей.

Когда наступила полночь, она увидела вдали небольшой огонек и подумала: «Ах, там бы я могла провести ночь спокойно», – и слезла с дерева, и пошла на огонек, по пути творя молитву.

И вот подошла она к маленькому старенькому домику, около которого росло много травы, а перед домиком лежала небольшая кучка дров. И подумала королевна: «Куда это я зашла?» Заглянула она в окошко и ничего не увидела внутри домика, кроме больших и маленьких жаб, а также и стол, прекрасно накрытый; и вина, и жаркое на столе стояли, и тарелки, и бокалы все были серебряные.

Собралась королевна с духом и постучалась. Тотчас большая жаба послала маленькую отпереть дверь королевне:

Малышка-хромоножка,

Зеленая ножка,
Костяной ноги собачка,
Погляди поскорей,
Кто стучится у дверей.

Когда она вошла, все жабы ее поприветствовали и усадили. Спросили, откуда она и куда идет. Тогда она все рассказала им, что с ней случилось и как из-за того, что она нарушила запрет и сказала более трех слов, печка от нее скрылась вместе с королевичем, и вот теперь она решила искать его и бродить по горам и долам, пока не найдет.

Тогда приказала старая толстая жаба маленькой жабе, чтобы та принесла ей шкатулку:

Малышка-хромоножка,
Зеленая ножка,
Костяной ноги собачка,
Поскачи-ка живей,
Принеси ларец скорей.

Затем они королевну накормили и напоили, и привели ее к прекрасно постланной постели, и она в ту постель легла и заснула с Богом.

С рассветом она поднялась с постели, и большая жаба дала ей три иголки из большой шкатулки. «Иголки тебе пригодятся, – сказала старая жаба, – тебе придется через большую стеклянную гору перебираться, да через три острых меча перекидываться, да через большую воду плыть: как через все это перейдешь, так своего милого вновь найдешь».

Дала ей она еще про запас три вещи: больших три иглы, колесо от плуга и три ореха.

Тут королевна ушла и, когда прибежала к стеклянной горе, то взобралась на нее при помощи трех иголок; а перебравшись, вколола эти иголки в укромное местечко, которое постаралась хорошенько запомнить. Потом пришла к трем острым мечам, села на свое колесо и разом и перекатилась через них.

Наконец, переправившись через большое озеро, королевна пришла к большому прекрасному замку и стала наниматься в служанки,

отлично зная, что в этом замке живет ее королевич, которого она освободила из железной печи в большом лесу. Она и была принята за небольшое жалованье на место судомойки.

А у королевича была уже другая невеста, на которой он собирался жениться, предполагая, что его избавительница давно уже умерла.

Вечерком, когда королева всю посуду вымыла и все свое дело переделала, она нащупала у себя в кармане три ореха, данные ей старой жабой. Разгрызла она один орех и собиралась съесть ядрышко, и вдруг видит там в скорлупе чудесное королевское платье.

Прослышала об этом невеста, пришла к ней и стала у ней торговать то платье, да при этом и сказала: «Не служанке то платье носить!»

Но королева отвечала, что не желает платье продавать, а даром отдаст ей, коли она позволит ей одну ночь провести в опочивальне ее жениха. Невеста ей это дозволила, потому что у нее на платье глаза разбежались, у нее ни одного такого платья не было.

Когда наступил вечер, она сказала своему жениху: «Эта глупая девка хочет сегодня в твоей опочивальне ночь провести». – «Коли ты против этого ничего не имеешь, так и я тоже!» – сказал он.

Однако же она поднесла ему стакан вина с сонным зельем, и он заснул так крепко, что королева не могла его разбудить. Проплакала она всю ночь и все приговаривала: «Я тебя в дремучем лесу из железной печи освободила, по всему свету тебя искала, через стеклянную гору перебиралась, через три острых меча перекатилась, через воду переправилась, прежде чем тебя доискала, а ты меня и слушать не хочешь».

Слуги, сидевшие у дверей опочивальни, слышали, как она всю ночь плакала и причитала, и наутро сказали об этом своему господину.

На другой день, убравши посуду, королева разгрызла второй орех, а там – платье лучше первого; как увидела его невеста, так захотела и это купить. Но денег королева за это платье не брала, а выпросила себе позволение еще одну ночь провести в

опочивальне жениха.

Невеста, однако ж, опять дала жениху сонного питья, и тот опять так крепко спал, что его добудиться было невозможно. Напрасно королева всю ночь плакала и причитала – он ничего не слышал; слышали только слуги, которые ему о том на другое утро и рассказали.

Когда она на третий день разгрызла третий орех, то отыскала в нем платье, еще прекраснее двух первых, оно так и горело золотом. И это платье невеста пожелала, и королева его уступила ей за разрешение провести еще и третью ночь в опочивальне жениха.

Но на этот раз королевич остерегся от сонного питья и пролил его мимо рта. И чуть только она начала плакать и причитать: «Дорогое мое сокровище! Не я ли тебя избавила в дремучем лесу да из железной печи?» – королевич вскочил с постели и сказал: «Ты моя настоящая невеста! Ты моя, а я твой!»

Затем он ночью же уехал с королевной в карете и у фальшивой невесты увезли все платья, так что она и с постели подняться не могла.

Прибыв к большому озеру, они через него переправились, а через три острые меча на колесе перекатились, да и через стеклянную гору на иголочках перелезли.

Так добрались они, наконец, до маленького старого домика, и как в него вошли, он обратился в большой замок; все жабы тоже избавлены были тем временем от чар и оказались заколдованными королевнами и королевичами.

Тут и свадьбу сыграли, тут и жить остались, потому что этот замок был побольше того, что у отца королевны.

Но так как старик-отец ее жаловался на свое одиночество, то они и его к себе перевезли, да и стали жить при двух королевствах да при супружеском добром согласии.

Мышка мимо пробежала,

Сказку кончить приказала.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Ференанд Верный и Ференанд Неверный

Жили на белом свете муж с женою, и пока они были богаты, детей у них не было; когда же обеднели, тогда родился у них маленький сынок. Но они никак не могли сыскать себе крестного, и муж решился идти в ближнее местечко и там поискать.

По пути туда повстречался ему бедняк и спросил, куда он идет. Муж и сказал ему, что идет искать себе крестного, что он беден и потому никто не желает к нему идти в кумовья. «О! – сказал бедняк. – Ты беден, и я беден, так давай я у тебя крестить буду! Я настолько беден, что ничего не могу дать ребенку; а ты ступай да скажи матери, чтобы она несла ребенка в церковь».

Когда муж с женою пришли в церковь, бедняк уже их там ожидал и назвал ребенка Верным Ференандом. Когда они шли из церкви, бедняк сказал: «Разойдемся по домам; я не могу вам ничего дать и вы ничего не должны давать мне».

Но он дал родильнице ключ, сказав, чтобы по приходе домой она отдала его отцу на хранение, пока ребенку не исполнится полных четырнадцать лет: тогда он пусть пойдет и замок найдет, к двери которого тот ключ подойдет, и все, что в том замке окажется, за ним навсегда и останется.

Когда мальчику минуло еще всего семь лет, – а растуто он был большого, – пошел он однажды играть с другими детьми, и стали они хвалиться, сколько кто получил от крестного, а он не мог ничем похвалиться.

Вернулся домой с досадою и сказал отцу: «Да разве же я ничего не получил от крестного?» – «О да! – сказал отец. – Ты получил ключ от замка; как пойдешь да разыщешь его, так и отопрешь тем ключом».

Вот и пошел мальчик и стал смотреть и разыскивать, и ни о каком замке не было ни слуху, ни духу.

Семь лет спустя, когда ему минуло четырнадцать лет, пошел он еще раз на розыски замка и видит: стоит замок. Когда он его отворил ключом, то ничего в нем не нашел, кроме лошади серой в яблоках. Юноша так обрадовался этой находке; что тотчас вскочил на коня и погнал к отцу. «Вот, – сказал он, – теперь у меня есть конь, теперь и я поеду странствовать».

И точно, поехал он из дому и, проезжая по дороге, увидел, что лежит на дороге перо для письма; хотел было он его поднять, но потом опять про себя подумал: «Пускай себе лежит! Куда ни приеду, везде найду перо для письма, коли будет нужно».

Когда он от пера отъехал, то услышал, что кто-то зовет его: «Ференанд Верный, возьми меня с собой!» Он оглянулся, никого не увидел, вернулся к перу и поднял его.

Несколько времени спустя пришлось ему проезжать мимо воды, и видит он: лежит на берегу рыба и широко разевает рот, вдыхая в себя воздух.

Вот и сказал он: «Ну, рыбинка, я помогу тебе в воду спуститься», – взял ее за хвост и швырнул в воду.

Тогда высунула рыбка голову из воды и сказала: «Ты мне помог из грязи в воду попасть, так и я дам тебе флейточку. Как будешь в беде, поиграй на ней – я приду к тебе на помощь, и если ты что уронишь в воду, то я тебе тотчас из воды достану».

Поехал он далее, и попался ему человек навстречу, да и спросил, куда он едет. «А вот, в ближайшее местечко». – «А как тебя звать?» – «Ференанд Верный». – «Ну, так у нас почти одинаковые имена: меня зовут Ференанд Неверный».

И направились они в ближайшее местечко, в гостиницу. Только что и было плохо, так это то, что Ференанд Неверный с помощью разного колдовства знал всегда, что другой думает и что собирается делать.

В гостинице, куда оба Ференанда приехали, была служанка, очень хорошенькая, и держала себя очень мило; она полюбила Ференанда Верного, потому что он был юноша красивый, и спросила его, далеко ли он собрался. «Да так, хочу поездить».

Тогда она посоветовала ему остаться и сказала, что есть в их

городе король, который охотно возьмет его к себе на службу в слуги или в фореиторы. Ференанд отвечал, что не хотелось бы ему так идти и самому предлагать свои услуги. А девушка отвечала ему: «О, коли так, я и сама все это за тебя сделаю». И вот пошла она к королю и спросила его, не желает ли он взять к себе на службу красивого слугу.

Король был очень рад этому предложению и велел Ференанду к себе прийти и хотел его взять к себе в слуги. Но Ференанд предпочел быть фореитором, потому что ему не хотелось расставаться со своим конем; король и взял его в фореиторы.

Когда Ференанд Неверный это увидел, то сказал девушке: «Не сможешь ли ты и мне поступить на место?» – «Отчего же? Помогу и тебе», – сказала девушка, а сама подумала: «С этим нельзя ссориться, потому что ему доверять нельзя».

И она пошла к королю и выхлопотала ему место слуги. Когда он однажды утром одевал своего короля, тот стал вздыхать и говорить жалобно: «О, если бы моя милая могла быть со мною!» А Ференанд Неверный, как услышал это, так и сказал королю: «Да, ведь у вас есть фореитор; вот его и пошлите туда за вашей милой, чтобы он ее привез; а если не привезет, так и снесите ему голову с плеч».

Приказал король позвать к себе Ференанда Верного и сказал ему, что у него там-то и там-то есть милая и что он должен ее к нему привезти; а не привезет – голову ему долой!

Ференанд Верный пошел в стойло к своему коню и стал на судьбу жаловаться: «Ох, что я за несчастный!»

Тут и сказал кто-то позади него: «Ференанд Верный, чего ты плачешь?» Он оглянулся, никого не увидел и продолжал жаловаться: «Ох, мой милый Саврасый, видно, приходится мне с тобою расстаться, приходится умирать!» И опять кто-то его окликнул: «Ференанд Верный, что ты плачешь?»

Тут только он заметил, что это его Саврасый говорит, и спросил его: «Так это ты, Саврасушка? И неужели ты говорить можешь? – И добавил: – Я вот должен туда-то и туда-то ехать и привезти королю невесту, так не знаешь ли, как мне за это взяться?»

Отвечал ему Саврасый: «Ступай ты к королю и скажи, что если он даст тебе то, что ты попросишь, то ты ему привезешь, невесту:

коли даст полный корабль мяса да полный корабль хлеба, то это дело должно удаться. Там за морем живут громадные великаны, и если ты им не привезешь мяса, то они тебя самого растерзают; а еще водятся там большие птицы, которые выклюют тебе глаза, если ты им не припасешь хлеба».

Вот и приказал король всем мясникам бить скот и всем пекарям печь хлебы, чтобы наполнить корабли.

Когда они были наполнены, Саврасый сказал Ференанду Верному: «Ну, теперь садись на меня и бери меня с собою на корабль, и если придут великаны, то скажи:

Тише, тише вы, великанчики,
Позаботился я о вас,
И привез дорогой запас.

– А как птицы прилетят, им опять-таки скажи:

Тише, тише вы, мои птички,
Позаботился я о вас,
И привез дорогой запас.

Тогда они тебе ничего не сделают и еще помогать станут, когда придешь к тому замку, в котором та принцесса лежит в глубоком сне; ты смотри – не разбуди ее, а вот захвати с собою двоих великанов, да и вели им отнести ее на кровати на корабль».

И все именно так случилось, как Саврасый сказал.

И великанам, и птицам Ференанд Верный отдал то, что привез для них: и великаны были очень довольны, и снесли принцессу на кровати на корабль.

И когда она прибыла к королю, то сказала, что не может остаться, если не будут ей доставлены ее писанья, которые она забыла в замке.

Тогда был позван Ференанд Верный по наущению Ференанда Неверного, и король велел ему принести те писанья из замка, а если не принесет, то будет казнен.

Вот и пошел он снова в конюшню и начал жаловаться, говоря: «О, милый мой Саврасый, опять меня посылают, как мне быть?» Тогда сказал Саврасый, что по-прежнему корабль придется нагрузить

полным грузом. И поехал он снова, как и в прошлый раз, и великанов, и птиц насытил мясом и хлебом и тем смирил их. Когда они подошли к замку. Саврасый сказал ему, что он должен туда войти и пройти в самую спальню принцессы, там на столе и лежат ее писанья.

Пошел Ференанд Верный и добыл те писанья. Когда они поплыли обратно на корабле, Ференанд уронил свое перо в воду, и Саврасый сказал ему: «Ну, в этом я тебе не могу помочь». Тогда Ференанд вспомнил о своей флейте, начал на ней играть, и вот всплыла рыба, держа перо во рту, и подала его Ференанду. Затем он отвез бумаги в замок, где и была сыграна свадьба.

Однако же королева не могла любить короля, потому что он ей не нравился, а Ференанд Верный ей понравился и полюбился.

Когда однажды собрались к королю все его придворные, то королева сказала им, что она умеет фокусы показывать. «Вот, – говорит, – снесу человеку голову и опять ее к месту приставлю, не желает ли кто испытать?» Однако же никто не решался испытать на себе этот фокус, и опять пришлось вызваться Ференанду Верному по наущению Ференанда Неверного.

И точно, снесла ему королева голову и опять на место приставила, и залечила, и только остался у него на шее значок, вроде красной ниточки.

Тут и сказал ей король: «Скажи, моя милая, где ты этому искусству научилась?» – «Да, – сказала она, – я в этом искусна; не хочешь ли ты мое искусство на себе испытать?» – «Отчего же не испытать?» – сказал он.

И снесла она ему голову, а на место ее не приставила, будто бы потому, что она ее приставить не сумела или сама голова на плечах у него не держалась. Так и похоронили короля; а королева вышла за Ференанда Верного.

А Ференанд все продолжал ездить на своем Саврасом, и когда однажды он на нем ехал, тот сказал ему, чтобы он поехал на другое поле и трижды объехал кругом его.

Когда тот это выполнил. Саврасый стал на задние ноги и оборотился королевичем.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Сказки братьев Grimm. Чёрт и его бабушка

Велась некогда большая война, и король, который ее вел, содержал солдат много, а жалованья давал им мало, так что они на это жалованье жить не могли. Вот трое из них и сговорились, и собрались бежать.

Один из них и сказал другому: «Коли поймут нас, так уж повесят непременно, как же нам быть?»

Другой и сказал ему: «А вон, видишь, большое ржаное поле; коли мы там среди ржи спрячемся, то нас никто не сыщет; войско не успеет сегодня все то поле прочесать, а завтра они должны выступить в поход».

Вот и залезли они в рожь, а войско-то и не двинулось далее, и залегло вокруг того поля.

Высидели они два дня и две ночи во ржи, и морил их такой голод, что они с него чуть не умерли.

А между тем знали, что если они изо ржи выйдут, то их ожидает верная смерть.

И стали они между собою говорить: «Ну что проку в том, что мы

бежали? Придется нам здесь погибнуть лютой смертью».

Тем временем пролетал по воздуху огненный змей, опустился к ним и спросил их, зачем они тут укрылись. Они отвечали ему: «Мы трое – солдаты и бежали из строя, потому что нам мало платили жалованья; и вот теперь, если здесь останемся, то придется нам помирать с голода, а если выйдем отсюда, придется нам болтаться на виселице». – «Если вы обещаете мне семь лет служить, – сказал змей, – то я вас пронесу через войска так, что никто вас не изловит». – «Мы выбирать не можем, а должны на все соглашаться», – отвечали они.

Тогда змей ухватил их в свои когти, перенес их по воздуху через все войско и далеко-далеко оттуда опустил на землю; а этот змей был не кто иной, как дьявол. И дал он им небольшую плеточку и сказал: «Стоит вам только похлестать и пощелкать этой плеточкою, и около вас просыплется столько денег, сколько вам понадобится: можете знатными барями жить, и лошадей держать, и в каретах ездить; а через семь лет вы будете моею полною собственностью».

Затем он подал им книгу, в которой они все трое должны были расписаться. «Вам на пользу, однако же, – сказал дьявол, – я намерен задать вам еще загадку; коли ее отгадаете, то избавитесь от моей власти».

Сказав это, змей улетел от них, а они пошли далее со своею плеточкой. И денег у них было в изобилии, и платье они заказали себе богатое, и пустились они бродить по белу свету.

Где они бывали, там жили весело и богато, ездили на собственных лошадях, ели и пили вволю, но дурного ничего не делали. Время пролетело для них быстро, и когда семилетний срок стал подходить к концу, двое из них стали крепко побаиваться, а третий и в ус не дул и даже еще товарищей утешал: «Ничего, братцы, не бойтесь! Умишком Бог меня не обидел – я берусь загадку отгадать!»

Вот вышли они на поле, сели там, и двое из них скроили очень кислые рожи. Тут подошла к ним какая-то старуха и спросила их, почему они так печальны. «Ах, что вам до этого за дело? Вы все равно не можете нам ничем помочь!» – «Как знать? – отвечала старуха. – Доверьте мне ваше горе». Тогда они рассказали ей,

что они уже почти семь лет состоят на службе у черта, что черт осыпал их за это деньгами; но они выдали ему расписку и должны попасть в его лапы, если по истечении семи лет не отгадают загадки, которую тот им задаст.

Старуха сказала на это: «Коли хотите, чтобы я вашему горю пособила, то один из вас должен пойти в лес и дойти до обрушенной скалы, которая очень походит на избушку, и пусть войдет в нее; там и найдет себе помощь». Те двое, что запечалились, думали: «Где уж там помощь найти», – и остались на месте, а третий, веселый, тотчас собрался в путь и дошел по лесу до каменной хижины.

В хижине сидела дряхлая-предряхлая старуха – чертова бабушка; она и спросила его, что ему здесь зандобилось. Он рассказал старухе все, что с ними случилось, и так как он старухе понравился, то она над ним сжалилась и обещала ему помочь. Приподняла она большой камень, которым был прикрыт вход в погреб, и сказала: «Тут спрячься; отсюда можешь слышать все, что здесь будет говориться, только смотри – тихо сиди и не шевелись: как прилетит змей, я его расспрошу о загадке... Мне он наверно все скажет, а ты к его ответу прислушайся».

Ровно в полночь прилетел змей и потребовал себе ужина. Его бабушка накрыла на стол, подала и кушаний, и напитков вдоволь, и они стали есть и пить вместе. Затем она его спросила, как у него тот день прошел и сколько душ успел он сманить. «Не очень мне сегодня посчастливилось, – сказал черт, – ну да у меня есть в запасе трое солдат, которым от меня не уйти». – «Ну да! Трое солдат! Те за себя постоят; пожалуй, еще и вовсе тебе не достанутся». Черт отвечал на это насмешливо: «Те-то не уйдут от меня! Я им такую загадку загадаю, что они ее ни за что не отгадают!» – «А что же это за загадка?» – спросила старуха. «Сейчас скажу тебе: в великом северном море лежитдохлый морской кот – это им вместо жаркого; а ребра кита – это им вместо серебряной ложки; а старое лошадиное копыто – вместо стакана...»

Когда черт улегся спать, его старая бабушка приподняла камень и выпустила солдата из погреба. «Все ли ты запомнил?» – спросила она его. «Да, – сказал он, – я достаточно слышал и

сумею справиться». Затем он вынужден был тайно бежать из хижины через окно и поспешил вернуться к своим товарищам. Он рассказал им, как чертова бабушка черта перехитрила и как он подслушал его загадку. Тогда они все повеселели, взяли плетку в руки и столько нахлестали себе денег, что они всюду кругом по земле запрыгали.

Когда минули все семь лет сполна, черт явился с книгой, показал им подписи их и сказал: «Я возьму вас с собою в преисподнюю; там про вас уж и пир сготовлен! И вот если вы угадаете, какое жаркое вы там получите, то я вас освобожу и из рук своих выпущу, да сверх того еще и плеточку вам оставлю».

Тут первый солдат в ответ ему и сказал: «В великом северном море лежитдохлый морской кот – это, верно, и будет наше жаркое?» Черт нахмурился, крякнул: «Гм! Гм! Гм!» И спросил другого солдата: «А какой же ложкой вы есть станете?» – «Ребро кита – вот что заменит нам серебряную ложку!» Черт поморщился опять, трижды крякнул и спросил у третьего солдата: «Может быть, ты знаешь, из чего вы вино пить будете?» – «Старое лошадиное копыто – вот что должно нам заменять стакан». Тут черт с громким воплем взвился и улетел – и утратил над ними всякую власть...

А плетка так и осталась в руках у солдат, и они продолжали ею выхлестывать столько денег, сколько им хотелось, и жили они в полном довольстве до конца дней своих.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Три

брата

Давным-давно жил да был человек, у которого было три сына, а всего достатка было немного: только

– тот дом, в котором он сам жил. Каждый из сыновей желал бы тот дом получить в наследство после его смерти, но отцу они были все одинаково милы; вот и не знал он, как ему быть, чтобы никого не обидеть.

Продать бы дом да вырученные деньги между ними поделить, так продавать-то ему не хотелось, потому что дом был им унаследован от его прадедов...

Наконец пришла ему в голову хорошая мысль, и он сказал своим детям: «Ступайте-ка вы в люди да поиспытайте себя, и каждый пусть изберет себе какое-нибудь ремесло для изучения; по возвращении вашем домой тот из вас, который выкажет себя искуснее других в своем деле, получит от меня дом в наследство».

Сыновья были довольны решением отца и избрали себе ремесла по вкусу: старший задумал быть кузнецом, второй – парикмахером, а третий – учителем фехтования.

Затем они назначили время, в которое они должны были снова сойтись в доме отца, и разошлись в разные стороны.

Случилось так, что каждый из них в своем деле нашел себе отличного учителя, у которого мог надлежащим образом выучиться

своему мастерству.

Кузнецу поручено было подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, теперь, кажется, без ошибки можно сказать, что дом именно мне достанется».

Парикмахеру пришлось брить только знатных господ, и он тоже подумал, что дом никому другому, кроме него, не достанется.

Фехтовальщику пришлось получить не один удар, и он все же скрепя сердце думал про себя: «Нечего этих ударов пугаться, а то, пожалуй, дом-то и выскользнет у меня из рук!»

Когда же наконец миновало условленное время, все они сошлись в доме отца; но они не знали, как бы им найти случай высказать перед отцом свое искусство, а потому и стали между собою совещаться.

Во время их совещания видят – бежит к ним с поля заяц. «Э-э! – сказал парикмахер. – Вот очень кстати явился! Точно званный!»

Тотчас взял он тазик и мыло, взбил пену, а когда заяц подбежал поближе, он на бегу намылил ему мордочку и на бегу же выбрил ему бородку и при этом не порезал его и ни одного волоска не повредил.

«Недурно, – сказал отец, – и если только остальные двое не слишком превзойдут тебя в своем мастерстве, то дом останется за тобою».

Вскоре после того видят, что мчится какой-то господин во всю прыть в своей карете. «Вот извольте-ка взглянуть, батюшка, на мое уменье!» – сказал кузнец, побежал вслед за каретой, сорвал у одной лошади на скаку все четыре подковы и подковал ее четырьмя новыми. «Ты – просто молодчина! – сказал ему отец. – Со своим делом ты справляешься так же хорошо, как твой брат... Право, я даже не знаю, кому из вас двоих я должен отдать свой дом...»

Тогда сказал третий сын: «Батюшка, дозвоьте и мне показать свое мастерство!»

Как раз в это время стал накрапывать дождь, и фехтовальщик, вынув свою шпагу, стал ею быстро вращать над головою, так что ни одна капля на него не упала...

Дождь пошел сильнее и наконец обратился в ливень, который лил как из ведра, а фехтовальщик все быстрее и быстрее вращал

шпагою над головой и остался сухохонек, словно под крышей стоял.

Когда отец это увидел, он изумился и сказал: «Ты превзошел своих братьев в твоём мастерстве – дом принадлежит тебе!»

Оба остальные брата по предварительному уговору остались вполне довольны таким решением отца, и так как они друг друга очень любили, то стали жить вместе в отцовском доме и продолжали заниматься каждый своим ремеслом; а при своих знаниях и умениях они зарабатывали много денег.

Так дожили они в полном довольстве до старости, и когда один из них заболел и умер, двое других так о нём горевали, что вскоре тоже заболели и умерли.

По их взаимной любви и тесной дружбе их и похоронили в одной общей могиле.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

**Сказки братьев Гримм.
Старушка в лесу (Лесная
старуха)**

Бедная служанка отправилась однажды со своими господами в путь-дорогу. Когда они проезжали через большой дремучий лес, выскочили им навстречу разбойники из чащи и насмерть перебили всех, кто им попался под руку.

Погибли все, кроме служанки, которая в страхе выпрыгнула из повозки и прихоронилась за деревом.

Когда разбойники удалились со своею добычею, девушка вышла из-за дерева и с ужасом увидела, что случилось. Она стала горько плакать и приговаривать: «Что мне, бедной, делать? Не знаю я, как из этого леса выбраться, а здесь, в лесу, живой души нет! Видно, придется мне здесь помереть с голоду!»

Стала она кругом бродить, стала дороги искать, но никакой дороги отыскать не могла. Когда за вечерело, она села под дерево, поручила себя милосердию Божию и решила там сидеть, не сходя с места, что бы там ни случилось.

Вот посидела она там сколько-то времени, и вдруг слетел к ней белый голубочек, и держал он золотой ключик в клюве. Ключик положил он ей в руку и сказал: «Видишь ли ты вон то большое дерево? Там есть замочек, который ты отомкнешь этим ключиком, и найдешь там чем утолить свой голод».

Пошла девушка к дереву, отперла его и нашла там молоко и белый хлеб, и могла поесть досыта.

Насытившись, она сказала: «Теперь время курам на насест – время и мне бы на покой! Так-то я устала и так охотно легла бы в свою постель».

Вот опять слетел к ней голубок и принес другой золотой ключик в клюве и сказал: «Открой вон то дерево, там найдешь себе постельку».

Девушка открыла указанное дерево и нашла прекрасную мягкую постельку: помолилась Богу, чтобы он ее защитил от всякого ночного страха, улеглась в постельку и заснула.

Поутру голубок прилетел в третий раз, принес третий ключик и сказал: «Открой вон то дерево, там найдешь себе платье». И когда она то дерево открыла, то нашла там платье, вышитый золотом, усыпанные драгоценными камнями, – такие чудные, какие разве только у королев бывают!

Так и жила она там некоторое время, и голубок прилетал к ней каждый день и заботился обо всех ее нуждах, и жизнь ее протекала тихо и мирно.

Однажды прилетел к ней голубок и сказал: «Исполнишь ли ты мне в угоду то, о чем я попрошу тебя?» – «С удовольствием», – отвечала девушка.

Тогда голубок продолжал: «Я сведу тебя к избушечке, и в той избушечке у окна увидишь ты старуху, которая скажет тебе: »День добрый!« Но ты – Боже тебя сохрани! – ничего не отвечай ей, что бы она ни вздумала делать, а проходи поправее от нее, в глубь избушки; там увидишь дверь, открой ее и войди в комнату, где на столе набросано много всяких колец – и богатых, и с блистающими камнями... И все те кольца оставь, а отыщи среди них одно, совсем гладкое, и принеси его мне как можно скорее».

Пошла девушка к избушке и вошла в дверь: там увидела она старуху, которая удивленно посмотрела на нее и проговорила: «Добрый день, дитя мое».

Но девушка ей ничего не ответила и пошла прямо к двери в соседнюю комнату. «Куда собралась? – крикнула старуха и ухватила ее за платье, думая остановить. – Здесь мой дом, и никто не смеет сюда входить без моей воли».

Но девушка молча высвободила из ее рук свое платье и вошла в следующую комнату.

Там на столе грудой лежали кольца, которые ослепительно сверкали и блистали своими камнями: стала девушка на том

столе рыться в груди колец, отыскивая между ними гладкое колечко, и никак не могла его найти.

Между тем, как она тут рылась, она увидела, что старуха, крадучись, выходит из комнаты и уносит в руках птичью клетку.

Девушка подошла к ней, взяла у нее клетку из рук, и когда ее подняла да в нее заглянула, то увидела в ней птицу, которая держала гладкое колечко в клюве.

Выхватила она кольцо у птички, весело и радостно выбежала с ним из избушки и думала, что вот-вот прилетит к ней белый голубок за колечком... Но он не прилетал...

Поджидая голубочка, прислонилась она к одному дереву и вдруг почувствовала, что дерево стало мягким и гибким и опустило свои ветви к земле.

А тут вдруг ветви дерева сплелись вокруг девушки и обратились в человеческие руки, и когда она оглянулась, дерево обернулось добрым молодцом, которые ее обнимал и целовал и говорил: «Ты моя избавительница! Ты освободила меня из-под власти этой старухи, злой ведьмы, которая обратила меня в дерево. И каждый день только на два часа превращался я в беленького голубочка... Но до тех пор, пока мое кольцо хранилось у нее, я не мог вернуть себе мой человеческий образ».

В то же время освободились от чар ведьмы и его слуги, и его кони, которых старая ведьма также обратила в деревья, около него стоявшие.

Тут сели они на коней и поехали в его королевство (тот добрый-то молодец был королевич) и поженились, и жили весь своей век счастливо.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Осёл-оборотень (Салатный осёл)

Жил-был молодой егерь; однажды пошел он в лес на охоту. Сердце у него было доброе, и малый он был веселый, и в то время, когда он из лесу возвращался и насвистывал на листке, повстречалась ему старая, безобразная старушонка, заговорила с ним и сказала: «День добрый, охотничек! Вижу я, что ты весел и доволен; а я терплю и голод, и жажду: не подашь ли ты мне милостыньку?»

Егерь над нею сжалился, сунул руку в карман, подал ей, что мог, и хотел было идти далее, но старушонка его остановила и сказала: «Послушай, милый мой, за твою доброту я тебе подарочек подарю. Вот ступай себе прямо своей дорогою; пройдешь немного, придешь к дереву, а на том дереве увидишь девять птиц, которые в когтях плащ держат и из-за него ссорятся. Прицелься ты в них и выстрели в самую середину их стаи; плащ у них из когтей выпадет, и одна из них, насмерть убитая, также падет с дерева. Плащ тот возьми себе: он волшебный! Стоит только его накинуть на плечи да пожелать перенестись в какое-нибудь место, и мигом там очутишься. Из убитой же птицы вынь-ка ты сердце да проглоти его целиком: тогда каждое утро при вставанье будешь находить у себя под подушкой по золотому».

Поблагодарил егерь вещунью и подумал про себя: «Хорошо бы ее

устами да мед пить!»

Однако ж, пройдя с сотню шагов, он услышал над собою в древесных ветвях птичьи крики и писк и невольно поднял голову вверх. И увидел он стаю птиц, которые клювами и когтями вырывали друг у друга какой-то кусок материи и при этом клевались, бились и царапались, словно бы каждая из них хотела одна владеть этим куском.

«Странно, – подумал егерь, – дело-то выходит как раз так, как предсказала мне старушоночка».

Снял он ружье с плеча, прицелился и выстрелил как раз в середину стаи, так что перья кругом посыпались. Тотчас же вся стая взвилась вверх с громким криком, одна из птиц пала мертвая, а с ней вместе на землю упал и плащ.

Тогда егерь поступил, как предсказывала ему старушоночка: взрезал птицу, отыскал у нее сердце, проглотил его, а плащ захватил с собою домой.

На другое утро, проснувшись, вспомнил он слова старухи и задумал их проверить на деле.

И чуть только приподнял подушку, как сверкнул у него под изголовьем золотой.

И на другое утро тоже, и на третье, и так при каждом вставанье. Накопил он целую кучу золота, а затем и стал думать: «Куда мне это золото, коли я буду сиднем дома сидеть? Пойду-ка я постранствую по белу свету».

Тогда распростился он со своими родителями, взял охотничью суму и ружье и пошел по белу свету.

Вот и случилось однажды, что проходил он дремучим лесом, и как пришел к его опушке, то увидал перед собою красивый замок среди равнины.

В одном из окон замка стояла старуха и рядом с нею девушка дивной красоты, и обе смотрели из окна вниз.

Старуха же была ведьма и стала говорить девушке: «Вон из лесу выходит человек, в котором скрыто большое сокровище, его-то мы и должны отуманить, доченька! Нам это сокровище нужнее, чем ему... Он проглотил и носит в себе сердце птицы и из-за этого каждое утро находит под своим изголовьем по золотому».

Затем она рассказала ей, как все было и как ей следует обойти

его, и, гневно взглянув на нее, стала грозить: «Если ты меня не послушаешь, так я тебя на век несчастной сделаю».

Подойдя поближе, егерь увидел девушку и подумал про себя: «Побродил я по свету довольно, не дурно бы мне и поотдохнуть в этом прекрасном замке».

Собственно же говоря, так побуждало его думать то, что он увидел в окне красавицу. В доме он был ласково принят и радушно угощен.

Немного спустя он так сильно влюбился в дочь ведьмы, что ни о чем, кроме нее, и думать не мог, на все смотрел ее глазами и охотно исполнял все ее желания.

«Теперь надо нам добыть птичье сердце, – сказала ведьма дочке, – он и не заметит, как оно у него пропадет».

Приготовили они вместе питье, сварили его, слили в кубок, и девушка должна была поднести тот кубок егерю.

Она и поднесла этот кубок ему, приговаривая: «Милый мой, выпей за мое здоровье!»

Он принял кубок, выпил его, и сердце птицы выскочило из его желудка.

Девушка должна была тайно унести его и затем сама его проглотить, потому что так хотелось старой ведьме.

С того дня он уже не находил более золотых у себя под изголовьем, они появлялись каждое утро под изголовьем девушки, и старая ведьма их там собирала.

Но он был так влюблен и так одурачен, что ни о чем ином и не думал, как о своей возлюбленной, и не мог с ней расстаться...

После того старая ведьма стала говорить: «Птичье сердце теперь у нас, но и волшебный плащ надо бы также у него отнять». – «Зачем? – сказала дочка. – Оставим плащ у него: он и так уже потерял все свое богатство».

Старая ведьма озлилась: «Такой плащ – диковинка, которую редко и на свете сыщешь; я непременно хочу его иметь». Она дала дочке известные наставления и сказала, что если та им не последует, ей худо будет.

Девушка поступила по приказанию ведьмы и однажды, стоя у окна и устремив взор в синюю даль, прикинулась печальной.

Ее милый спросил у нее: «Почему ты так печальна?» – «Ах,

дорогой мой, – отвечала она, – вон там, вдали, видишь ли ты эту гранатную гору? На ней рождаются лучшие из драгоценных камней. Мне так бы хотелось эти камни иметь, что как только об этом подумаю, всегда печалюсь; но кто их оттуда может добыть! Птицы разве? Они одни туда залететь могут! А человеку это невозможно». – «Коли только в этом печаль твоя, так ее мудрено ли рассеять!» – сказал егерь.

Прихватил он ее с собою под свой плащ, пожелал быть тотчас на гранатной горе – и вмиг они оба очутились на ней.

Там повсюду сверкали драгоценные камни, и было их так много, что сердце на них радовалось; они стали вместе собирать лучшие и самые дорогие из этих камней.

А между тем старая ведьма ухитрилась при помощи своих чар так подействовать издали на егеря, что глаза у него вдруг стали слипаться...

Он сказал девушке: «Присядем здесь и отдохнем, я так устал, что с трудом держусь на ногах».

Они присели, он положил голову ей на колени и уснул. Во время его сна она отвязала у него плащ с плеч, накинула его себе на плечи, захватила с собою гранаты и другие драгоценные камни и пожелала очутиться дома.

Когда же егерь выспался и открыл глаза, то увидел, что милая обманула и покинула его на горе одинокого...

«О! – воскликнул он. – До чего велико коварство людское!» – и сел, пригорюнившись, и раздумывал, что ему делать.

А та гора была во владении диких и громадных великанов, которые на ней постоянно обитали, и немного времени прошло, как егерь уже завидел троих из них, к нему приближавшихся.

Егерь вытянулся на земле, прикинувшись, будто спит.

Великаны подошли, и один из них, толкнув егеря ногой, проговорил: «Это что за червяк тут лежит и что про себя думает?»

Второй сказал: «Расплющи его ногой!»

А третий добавил с пренебрежением: «Стоит ли он того? Пусть живет... Здесь он все равно не останется, а если взберется выше, до самой вершины горы, его тотчас подхватит облако и унесет в даль».

Так разговаривая между собою, они прошли мимо, а егерь, все слышавший, тотчас после их ухода поднялся на ноги и вскарабкался на вершину горы.

Не просидел он там и минуты, как налетело на вершину облако, подхватило его, увлекло за собою вслед, какое-то время несло по небу, затем опустилось к земле над большим, обнесенным стенами огородом и обронило его легонько на гряды капусты и других овощей.

Оглянулся егерь кругом и сказал: «Кабы мне чего-нибудь поесть! Голод так и морит меня, но я не вижу здесь ни яблок, ни груш, ни других плодов, а везде только одни овощи».

Наконец ему пришло в голову: «Разве вот что? По нужде я могу и салату поесть... Он хоть и не особенно вкусен, однако все же подкрепит меня немного».

Вот и выискал он себе хорошенький кочешок, стал его есть, но едва успел проглотить два-три листочка, как почувствовал себя очень странно и заметил в себе необычайную перемену: у него выросли четыре ноги, голова стала большою и толстою, уши удлинлись, и он с ужасом увидел, что превратился в осла.

Однако же, чувствуя по-прежнему сильный голод и находя по своей теперешней природе сочный салат очень вкусным, он продолжал есть его с жадностью.

Таким образом он добрался наконец до салата другого сорта, и едва только проглотил несколько листочков его, он вновь почувствовал перемену и вернулся в свой прежний человеческий образ.

Тут он растянулся на земле и выпался надлежащим образом. Проснувшись на другое утро, егерь сорвал один кочан дурного и один кочан хорошего салата и подумал: «Это мне поможет в моем деле и даст возможность наказать коварство».

Тут он спрятал кочны в дорожную сумку, перелез через стену и пошел разыскивать замок своей милой. Проходивши дня два, он благополучно разыскал его. Тогда он замазал себе лицо так, что и сама родная мать его не узнала бы, вошел в замок и попросил себе приюта. «Я так устал, – сказал он, – что не могу идти далее». – «Землячок, – сказала ему ведьма, – кто вы такой и чем занимаетесь?»

Он отвечал: «Я королевский посол и был послан на розыски драгоценнейшего по своим свойствам салата, какой только может произрастать на белом свете. Мне посчастливилось его отыскать, и я его несу с собою; однако же солнце палит так сильно, что это нежное растение, пожалуй, еще завянет у меня, и я сомневаюсь, чтобы я мог донести его далее...»

Услышав о диковинном салате, старуха захотела непременно его отведать и сказала: «Милый землячок, дай же ты мне этого чудесного салата попробовать». – «Почему бы и не дать? – отвечал егерь. – Я принес с собою два кочна и дам вам один». Вскрыл он свою суму и подал ей кочан дурного салата.

Ведьме ничто плохое и в помыслы не пришло, и ей такая припала охота поскорее попробовать нового кушанья, что она сама побежала на кухню и изготовила его.

Изготовив салат, она дожидаться не могла, пока его подадут на стол, и тотчас схватила с блюда два листочка и сунула их в рот; и едва только она их проглотила, как утратила человеческий образ и в виде ослицы сбежала во двор.

Вслед за тем пришла в кухню служанка, увидела готовый салат и собралась подать его на стол; но в то время, как она его несла, припала ей по старой привычке охота отведать салата, и она съела парочку листочков. Волшебная сила салата тотчас проявилась и на ней, и она обратилась в ослицу и сбежала во двор к старой ведьме, а блюдо с салатом упало на пол.

А егерь тем временем сидел у красавицы, и так как никто с салатом не появлялся, а красавице тоже хотелось его отведать, то она сказала: «Понять не могу, почему же этот салат не несут?» Тут егерь подумал: «Верно, салат-то уж произвел свое действие!» Сойдя вниз, он увидел, что во дворе бегают две ослицы, а салат лежит на полу. «Вот и отлично! – сказал он. – Эти две уже получили свою часть!» – и затем собрал остальные листочки его на блюдо и принес их красавице.

«Я сам приношу вам это чудесное кушанье, – сказал он, – чтобы не заставлять вас ждать его». Красавица покушала салату и тотчас же лишилась, как и все остальные, своего человеческого образа и побежала во двор ослицей.

Тогда егерь умылся, так что обращенные им в ослиц женщины

могли его узнать, сошел во двор и сказал им: «Теперь вы должны получить достойную награду за ваше коварство!»

Привязал он их всех к веревке и погнал перед собою, и гнал, пока не пригнал на мельницу.

Постучал он в оконце мельницы; мельник высунулся из оконца и спросил, чего ему нужно. «Да вот есть у меня три дрянных животные, – отвечал егерь, – которых я больше не хочу у себя держать. Если хочешь их принять на свой корм и стойло да содержать их по моему указанию, то я заплачу тебе за это, сколько ты с меня потребуешь!» – «А почему бы мне их и не взять? – сказал мельник. – Говори, как должен я их держать?»

Тогда егерь сказал ему, чтобы старой ослице (а это и была сама ведьма) он давал есть только раз в день, а бил бы ее три раза в день; той, что помоложе (служанке), давал бы корму три раза в день, а бил бы ее только раз в день; а самой младшей из ослиц, то есть его красавице, трижды в день отпускал бы корм, а не бил бы ее ни разу... Никак он не мог допустить, чтобы его красавица была бита. Затем он вернулся в замок и нашел там все, что ему было нужно.

Дня два спустя пришел в замок мельник и доложил егерю, что старая ослица, которую он кормил единожды, а бил трижды в день, не выдержала и издохла. «А две другие, – продолжал мельник, – хоть и живы и получают трижды в день свой корм, но так понуро смотрят, что едва ли и они долго протянут».

Тут егерь сжалился, сменил гнев на милость и приказал мельнику пригнать этих двух ослиц в замок.

И когда их пригнали, он дал им поесть хорошего салата, и они снова приняли человеческий образ.

Тогда красавица упала перед ним на колени и сказала: «О, милый мой, прости меня за то зло, которое я тебе сделала; моя мать меня к тому вынудила, и все это случилось против моей воли, потому что я любила тебя от всего сердца. Твой волшебный плащ висит в одном из шкафов, а если хочешь, чтобы я вернула тебе птичье сердце, то я сейчас готова принять рвотное».

Тут он отнесся к ней совсем иначе и сказал: «Оставь его при себе; ведь все равно я хочу тебя взять себе в супруги».

И они сыграли свадьбу, и с той поры жили в полном довольстве

до самой своей смерти.

(Голосов: 3. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Сын короля, который ничего не боялся (Бесстрашный королевич)

Жил-был королевич, которому не полюбилось житье в отеческом доме, и так как он ничего на свете не боялся, то и подумал: «Дай-ка я пойду побродить по белу свету, душеньку свою потешу, диковинок всяких повидаю».

Простился он со своими родителями, пустился в путьдорогу и ехал с утра и до вечера, и ему было решительно все равно, куда приведет его дорога.

Случилось ему прибыть к дому великана, и так как он был очень утомлен, то присел около дверей его и стал отдыхать. Оглядевшись кругом себя, королевич увидел во дворе игрушки великана: пару громадных шаров и кегли величиной в рост человека.

Спустя немного вздумалось ему расставить те кегли и сбивать их шаром, и он радостно вскрикивал, когда те кегли падали, и веселился от души.

Великан услышал шум, выглянул в окошко и увидел человека, который был ничуть не больше других людей, а между тем играл его кеглями.

«Червяк! – воскликнул великан. – Как это можешь ты моими кеглями играть? Кто тебе такую силу дал?»

Королевич взглянул на великана и сказал: «Ах ты, болван! Или ты думаешь, что ты один силен на свете? Да вот я – я все могу, была бы лишь охота!»

Великан сошел вниз, с изумлением стал приглядываться к игре в кегли и сказал: «Человек! Коли ты точно таков, тогда пойди и добудь мне яблоко с дерева жизни». – «А на что оно тебе?» – спросил королевич. «Яблоко мне не для себя нужно, – отвечал великан. – Есть у меня невеста, которая очень желает его получить; но сколько я ни бродил по белу свету, а дерева того все отыскать не мог». – «Ну, так я отыщу его! – сказал королевич. – И не понимаю, что бы могло помешать мне то яблоко с ветки сорвать?» – «А ты думаешь, это легко? – спросил великан. – Тот сад, в котором дерево растет, окружен железной решеткой, а перед тою решеткою лежат рядом дикие звери и стерегут сад, и никого внутрь его не впускают». – «Меня-то впустят!» – самоуверенно сказал королевич. «Даже если ты и попадешь в сад и увидишь яблоко на дереве, добыть его все же мудрено: перед тем яблоком повешено кольцо, и через это кольцо нужно к яблоку руку протянуть, если желаешь яблоко достать и сорвать, а это еще никому не удавалось». – «Ну, а мне удастся», – сказал королевич.

Простился он с великаном, пошел по горам, по долам, по полям и долам и дошел наконец до волшебного сада.

И точно: вокруг него у решетки сплошным рядом лежали звери; но они склонили головы и спали.

Не проснулись они даже и тогда, когда королевич к ним подошел, и он переступил через них, перелез через решетку и благополучно пробрался в сад.

Посреди того сада стояло дерево жизни, и красные яблоки его

так и рдели на ветвях!

Влез он по стволу вверх и чуть только хотел протянуть руку к одному из яблок, видит, что висит перед тем яблоком кольцо...

И он, не задумавшись, без всякого усилия просунул через то кольцо руку и сорвал яблоко с ветки...

Кольцо же крепко-накрепко обхватило его руку, и он вдруг почувствовал во всем теле своем громадную силу.

Когда королевич слез с яблоком с дерева, он уже не захотел перелезть через решетку, а ухватился за большие садовые ворота, встряхнул их разок – и ворота с треском распахнулись.

Он вышел из сада, и лев, лежавший перед воротами, проснулся и побежал за ним следом, но уже не дикий, не яростный – он кротко следовал за ним, как за своим господином.

Королевич принес великану обещанное яблоко и сказал: «Видишь, я достал его без всякого труда».

Великан, обрадованный тем, что его желание исполнилось так быстро, поспешил к своей невесте и отдал ей яблоко, которого она так сильно добивалась.

Но его невеста была прекрасная и умная девушка, и когда она не увидела кольца на его руке, то сказала; «Не поверю я, что ты сам добыл это яблоко, пока не увижу кольца на твоей руке». Великан сказал: «Мне стоит только сходить домой и принести его», – а сам про себя думал, что не мудрено будет у слабого человека отнять силою то, что он не захочет уступить добровольно.

И вот он потребовал кольцо от королевича; но тот не отдавал. «Ну, нет! Где яблоко – там и кольцо должно быть! – сказал великан. – И если ты мне не отдашь его добровольно, то должен со мною за то кольцо биться!»

Долго боролись они, но великан никак не мог совладать с королевичем, которому постоянно придавало силы его волшебное кольцо.

Вот тогда-то великан и пустился на коварную хитрость, и говорит он королевичу: «Очень уж я разогрелся от борьбы, да и ты тоже! Пойдем, искупаемся в реке и прохладимся, прежде чем снова бороться станем».

Королевич, не ведавший коварства, пошел с великаном к реке,

вместе с одеждою снял и кольцо с руки своей и бросился в реку. Великан же тотчас схватил кольцо и побежал с ним прочь; однако лев, заметивший кражу, тотчас пустился вслед за великаном, вырвал у него кольцо из рук и принес его своему господину.

Тогда великан потихоньку вернулся назад, спрятался позади дуба, росшего на берегу, и в то время, когда королевич стал одеваться, он напал на него и выколол ему оба глаза.

Вот бедный королевич и оказался слепым и беспомощным; а великан вновь подошел к нему, взял его за руку, словно хотел помочь ему, а сам отвел его на край высокой скалы.

Здесь великан его покинул, думая: «Вот, еще два шага переступит и убьется насмерть – тогда я и сниму с него кольцо».

Но верный лев не оставил своего господина, крепко ухватил его за одежду и полегоньку стянул его обратно со скалы.

Когда вернулся великан, чтобы ограбить насмерть убившегося королевича, он убедился, что хитрость не удалась ему. «Да неужели же нельзя ничем сгубить этого слабого человечешку!» – только проговорил он, ухватил королевича за руку и свел его по другой дороге к краю пропасти; но лев, приметив злой умысел, и на этот раз избавил королевича от опасности.

Подойдя к самому краю пропасти, великан выпустил руку слепца и хотел его оставить одного, но лев так толкнул великана, что тот сам полетел в пропасть и разбился насмерть.

Верное животное после этого снова сумело оттянуть своего господина от пропасти и привело его к дереву, у которого протекал чистый, прозрачный ручеек.

Королевич присел у ручья, а лев прилег на бережок и стал ему лапою обрызгивать из ручья лицо водою.

Едва только две капли той воды оросили глазные впадины королевича, он опять уже стал немного видеть и вдруг разглядел птичку, которая близехонько от него пролетела и ткнулась в ствол дерева; затем она опустилась к воде и окунулась в нее разок-другой – и уже взвилась легко и, не задевая за деревья, пролетела между ними, как будто вода вернула ей зрение.

В этом королевич увидел перст Божий – наклонился к воде ручья, стал в нем обмывать свои очи и окунать в воду лицо. И когда

поднялся от воды, то его глаза оказались опять настолько светлыми и чистыми, как никогда прежде и не бывали.

Возблагодарил Бога королевич за великую милость и пошел со своим львом бродить по белу свету. И вот случилось ему прийти к заколдованному замку. В воротах замка стояла девушка, стройная и красивая собою, но совсем черная.

Она с ним заговорила и сказала: «О, если бы ты мог освободить меня от злых чар, тяготеющих надо мною!» – «А что я должен для этого сделать?» – спросил королевич. Девушка отвечала ему: «Три ночи должен ты провести в большом зале заколдованного замка, и страх не должен иметь доступа к твоему сердцу. Как бы тебя ни мучили, ты должен все выдержать, не испустив ни звука, – тогда я буду избавлена от чар! Знай притом, что жизни твоей у тебя не отнимут». – «Сердце мое не знает страха, – отвечал королевич, – попытаюсь, при Божьей помощи».

И он весело направился в замок; а когда стемнело, сел он в большом зале и стал ожидать.

До полуночи все было тихо; а в полночь поднялся в замке страшный шум, и изо всех углов явились во множестве маленькие чертенята. Они прикинулись, будто его не видят, расселись посреди зала, развели на полу огонь и принялись за игру.

Когда один из них проиграл, то сказал: «Не ладно дело! Затесался сюда один чужак, он и виноват в том, что я проигрываю». – «Погоди, сейчас приду, запечный бес!» – сказал другой.

А крик и шум, и гам все возрастали, и никто бы не мог их слышать без ужаса...

Но королевич сидел совершенно спокойно, и страх не брал его. Но вот все чертенята разом вскочили с земли и бросились на него, и было их так много, что он не мог с ними справиться. Они рвали его, таскали по земле, щипали, кололи, били и мучили, но он не произнес ни звука.

Под утро они исчезли, и он был до такой степени истомлен, что едва мог шевелиться.

Когда же рассвело, к нему взошла в залу черная девица. Она принесла ему бутылку с живою водою, обмыла его тою водою, и он тотчас почуял в себе наплыв новых сил, а все его боли стихли

разом...

Девушка сказала ему: «Одну-то ночь ты вынес благополучно, но тебе предстоят еще две».

Сказав это, она удалилась, и он успел заметить, что ее ноги уже побелели за эту ночь.

На следующую ночь опять явились черти и снова принялись за свою игру; потом снова напали на королевича и били, и мучили его еще более жестоко, нежели в предшествующую ночь, так что все его тело было покрыто ранами.

Но так как он все выносил молча, они наконец должны были от него отстать, а на заре явилась к нему черная девушка и исцелила его живой водой.

И когда она от него уходила, он с радостью увидел, что она успела побелеть до кончиков пальцев на руках.

Оставалось ему выдержать еще только одну ночь, но зато самую страшную!

Черти явились снова гурьбою...

«Ты все еще жив! – кричали они. – Тебя, значит, надо так измучить, чтобы из тебя и дух вон!»

Стали они его колоть и бить, стали бросать туда и сюда, таскать за руки и за ноги, словно бы хотели разорвать его на части: однако же он все вытерпел и звука не произнес.

Наконец они исчезли; но он уже лежал совсем обессиленный и не двигался; не мог он даже и век приподнять, чтобы взглянуть на девушку, которая вошла к нему и опрыскивала, и обильно обливала его живою водою.

И вдруг все боли в его теле как рукой сняло, и он почувствовал себя свежим и здоровым, словно очнувшимся от тягостного сна; когда же он открыл глаза, то увидел перед собою девушку – как снег белую и прекрасную как ясный день.

«Вставай, – сказала она, – да взмахни трижды своим мечом над лестницей и все чары сгинут разом».

И когда он это выполнил, весь замок разом был избавлен от чар, и девушка оказалась богатою королевой. Явились к ним и слуги, и заявили, что в большом зале стол уже накрыт и кушанья поданы.

Затем они уселись за стол, стали пить и есть вместе, а вечером

того же дня сыграли и радостно отпраздновали свою свадьбу.

     (Голосов: **3**. Рейтинг: **5,00** из 5)

 Загрузка...